

УДК 94(470.24)''14''(092)(045)

*Н.В. Халявин***МАРФА БОРЕЦКАЯ В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Главный герой статьи – новгородская боярыня Марфа Борецкая, известная историческая фигура эпохи складывания единого Русского государства. В статье рассматриваются оценки Марфы-посадницы, присутствующие в русской историографии с момента появления первых научных исторических трудов до настоящего времени. Дан краткий обзор основных исторических источников, которыми пользуются исследователи при характеристике жизни и деятельности Марфы Борецкой. Выявлен основной круг тем, который затрагивается историками при обращении к этой исторической личности – это биографические данные (происхождение, семья), оценка политической роли и экономического благосостояния и судьба Марфы после падения новгородской самостоятельности. Отмечено влияние художественной литературы и драматургии на складывание образа Марфы Борецкой, особенно на начальном этапе становления российской исторической науки. Резюмируется, что только критичный и комплексный подход, учитывающий данные всех имеющихся исторических источников, может сформировать объективную оценку этой исторической фигуры.

Ключевые слова: отечественная историография, Марфа Борецкая, Новгород Великий, Иван III.

DOI: 10.35634/2412-9534-2024-34-3-733-745

Всего несколько строк летописного рассказа о завоевании Великого Новгорода Иваном III сделали вдову новгородского посадника Исаака Борецкого — Марфу символом яркого сопротивления старинного вечевого города московскому самодержавию. Статус своенравной новгородской боярыни закрепился за Марфой в общественном историческом сознании, прежде всего, благодаря литературе и драматургии. Изучению феномена формирования образа Марфы-посадницы в русской литературе посвящен ряд работ, вышедших в последние несколько лет [5; 26; 57; 58, с. 255-348]. Это говорит о сохраняющемся интересе к легендарной фигуре новгородской боярыни и определенной потребности посмотреть на нее сквозь призму историографии, проанализировать, как тема Марфы Борецкой отражена в работах историков.

Круг источников, содержащих сведения о Марфе, невелик. Прежде всего, это летописные известия. Московский хронист так описывал события 1471 г.: «Некоторые же от них посадничьи дети Исаака Борецкого с матерью своею Марфою и с прочими иными изменники, научени дьяволом, иже горшее бесов быша прелестники, на погибель земли своей и себе на пагубу, начаша нелепаа, и развращенная глаголати и на вече приходящи кричати: «не хотим за великого князя Московского, ни зватися отчиною его. Волныи есмы люди Велики Новгород, а Московской князь велики многи обиды и неправду над нами чинит, но хотим за короля Польскаго и великого князя Литовского Казимера»» [45, с. 284].

Ряд летописей содержат в себе более информативные «Словеса избранна от святых писаний о правде и смиренномудрии, еже створи благочестия делатель благоверный великий князь Иван Васильевич... даже и о гордости величавых мужей новгородских...», появление которых Я. С. Лурье связывал с митрополичьим Новгородско-Софийским сводом [30, с. 128], но новейшие исследования Софийской 1 летописи Младшей редакции, где появляется текст «Словес избранных», позволяют говорить о том, что она была создана в Кирилло-Белозерском монастыре [61, с. 20]. Именно «Словеса избранна» являются главным источником для характеристики политической роли Марфы Борецкой в последние годы новгородской самостоятельности.

Здесь Марфа-посадница представлена инициатором и активным участником антимосковского движения. Она уже не просто «научена дьяволом», но «дьявол вниде у них в злохитриву жену в Марфу Исакову Борецкого, и та окаанная сплется лукавыми речьми с Литовским князем с Михаилом, да по его слову хотячи пойти за муж за Литовского же пана за королева, а мысличи привести его к себе в Великий Новьград да с ним хотячи владети от короля всею Новгородскою землею». Летописец сравнивает Марфу с ветхозаветными персонажами – «она лвица древняя Езавель», которая считается главной виновницей отступления израильского народа от его истиной религии – иудаизма к языческому культу Астарты, «подобна ей бесовная Иродья» – весьма неразборчивая в браках внучка Ирода Великого, «Еудоксия царица» – интриганка, помыкавшая своим слабозлым мужем императором Фла-

вием Аркадием и добившаяся изгнания с кафедры константинопольского архиепископа Иоанна Златоуста, «также и Далида окаанная» – та, что очаровала богатыря Самсона и, лишив его силы, предала злейшим врагам. «А сия Марфа окаанная, подобна им, – заключает сочинитель «Словес избранных», – также всего народа хотяше прельстити, и с праваго пути их совратити, и к Латыньству их приложити». Компанию Марфе составлял «чернец Пумин, еже бысть стараго владыки ключник», который «втай шепча с нею на все зло помагаше ей» и был готов не просто стать новым архиепископом, а пойти на поставление к униатскому митрополиту в Киев и для этого «множество злата издаваше лукавей той жене Марфе, а веляше ей давати в народ людем многим, дабы им помагали на их волю». Именно Марфа, согласно «Словесам избранным», вела Новгород к гибели: «А сия окаанная жена неточью себе и свою душу погубляющи, но и чада своя конечно влекущи с собою в пагубу.., и того ради многи людие на сонмище к ней схожахуся и мнози послушаху прелестных и богоотметных словес ея, не ведуще о сих, еже бысть на пагубу им, и смутишася мнози от народа соблазном их» [44, с. 5–6].

После 1471 г. летописи вновь вспоминают о Марфе Борецкой лишь в 1478 г., уже после падения Новгорода, когда великий князь велел арестовать ее вместе с внуком и затем вывести в Москву: «Того же дни в понедельник в Новгороде князь великий велел поимати боарыню Новгородскую Марфу Исакову, да внука ее Василья Федорова сына Исакова. ... Месяца Февраля 7 велел князь великий отвести к Москве поиманых Новгородцев, Марфу Исакову со внуком, да Ивана Кузмина Савелкова, да Окинфа с сыном Романом, да Юрья Репехова, да Григорья Арзубьева, да Марка Панфильева, а животы их велел отписати на себя» [45, с. 322–323]. Строевский список Новгородской IV летописи упоминает, что за год до увода Марфы из Новгорода «бысть пожар: от Розважи улицы погоре и до Боркови улицы, побережье все и до Великой улицы, и Марфи посадници двор» [43, с. 450].

Кроме летописей, имеются данные житийной литературы, которые свидетельствуют о непростых отношениях Соловецкой обители и новгородской боярыни [12; 15], дошедшие до наших дней данные грамоты Марфы в пользу этого монастыря [14, с. 242–243, 300] и некоторые смутные фольклорные сведения, говорящие о ее богатстве и влиятельности [3, с. 94; 13, с. 56; 16, с. 219].

Упомянутые источники определяют тот круг вопросов, который присутствует в исторических произведениях, касающихся Марфы Борецкой – это биографические данные (происхождение, семья), оценка политической роли и экономического благосостояния, судьба Марфы после падения Новгородской самостоятельности.

Безусловно, яркие характеристики Марфы в «Словесах избранных» оказали исключительное влияние на историков, которые зачастую лишь соревновались в своих острых формулировках с текстом источника. Так, если В. Н. Татищев буквально следовал летописному слову, описывая, как Марфа «с протчими иными изменники» побуждала новгородцев идти за Великого князя Литовского [55, с. 12–13], то его современник А. И. Манкиев в обличительном пылу идет дальше промосковского летописца, говоря, что новгородцы «с Марфою посадницею и с посадником Исаком Борецким из под власти Великаго Князя выбиться искали», и Борецкая хотела выйти замуж не просто за какого-то польского пана, а за князя Михаила Олельковича и «с ним блудно жила» [33, с. 169].

Для М. М. Щербатова было очевидно, что «Марфа Исакова Борецкая, великую имела силу в Новгороде, и безпрестанно для заведения безпокойств и смущений противу Великаго Князя Московского оную употребляла». Мотивы ее действий историк видел в симпатии к католицизму и личном интересе: «первое тайным образом преклонна была к Римскому Католицкому закону, а второе мня, что под правлением Польскаго Короля более может детям своим силы и щастия приобрести» [60, с. 149, 38].

Опираясь в своих построениях на М. М. Щербатова, новгородский губернатор П. И. Сумароков составил в 1812–1815 гг. собственный опыт новгородской истории. В том, что касается Марфы Борецкой, сочинитель затронул практически все сюжеты, которые в дальнейшем будут так или иначе присутствовать в исторических произведениях. Стоит отметить, что за несколько лет до этого он написал драму «Марфа Посадница, или Покорение Новаграда» и влияние литературного подхода к исторической работе очень заметно.

Свое повествование П. И. Сумароков начинает с того, что «местом рождения Марфы надлежит полагать Порхов», и она была не женой, а дочерью Исаака Борецкого, поскольку в «грамоте, данной ею самою на уступленные земли корельскому Николаевскому монастырю, она именно говорит, что то есть купля мужа ея Филиппа», собственно и сам монастырь, получивший земли, Марфа основала «по случаю, что сыновья ея Антон и Феликс, ездившие туда для обозрения своих отчин, близ того места в море потонули» [53, с. 258–259]. На первый взгляд, вся конструкция получалась вполне логичной, но

она базировалась на ошибочном отождествлении вкладчицы Николо-Карельского монастыря с Марфой-посадницей [3, с. 97], хотя до сих пор остается в ходу у некоторых историков [47, с. 51, 57].

П. И. Сумароков резонно отмечал, что Марфа никогда не управляла городом и «называлась она посадницею по званию мужа, а по именитости, великому богатству, хитрому уму, ...и вся слава ея заключается в сильном только соучастии при бунтовании новгородцев», однако он не сомневался, что «она посредством замужства с литовским князем Михаилом предпринимала сама поработить Новгород и над ним владычествовать». Приступая к описанию новгородско-московского противостояния, сочинитель становится театрален: «Вдруг ударили вече; строптивые новгородцы тысячами прибегают; бледныя их черты служат ручательством за буйство...» и это, конечно, снижает ценность метких исторических наблюдений, присутствовавших в его работе [53, с. 260, 262].

Заканчивая свое повествование обращением к судьбе Марфы, П. И. Сумароков перечисляет все известные ему версии – увезена в Москву, заточена в Коломне или Нижнем Новгороде, казнена в Великом Новгороде или Москве, но ни одна из них его не устраивает, и автор приходит к заключению, что Марфа действительно была послана в заточение, но «в пути лишилась жизни, и отдаление времени заравняло к вечному забвению бранный прах возносившейся жены» [53, с. 269].

Литературность и драматизм были присущи и Н. М. Карамзину. Впрочем, исследователи часто отмечают «различия в описании сопротивления Новгорода присоединению к Москве на страницах «Истории государства Российского» и повести «Марфа-посадница»» [24, с. 65]. Во вступлении к повести он говорил: «И летописи, и старинные песни отдают справедливость великому уму Марфы Борецкой, сей чудной женщины, которая умела овладеть народом и хотела (весьма некстати!) быть Катоню своей республики» [20, с. 680–681], а в «Истории государства Российского» писал: ««жена гордая, честолюбивая... предприняла решить судьбу отечества. Хитрость, велеречие, знатность, богатство и роскошь доставили ей способ действовать на Правительство» [19, с. 27], поэтому складывается впечатление, что «мотивы Марфы Карамзин-историк ограничивает властолюбием и матримониальными искажениями» [5, с. 71].

Действительно, Марфа Борецкая в «Истории» Н. М. Карамзина как будто одержима жаждой власти и абсолютным неприятием московского великого князя. Историк выставляет иррациональными все ее действия – она недовольна «всеобщим уважением и тем, что Великий Князь, в знак особенной милости, пожаловал ея сына, Димитрия, в знатный чин Боярина Московскаго», слепо верит в помощь литовских князей, упрямо убеждает новгородцев пойти на измену Москве и поддаться Казимиру, уверяя сомневающихся сограждан, «что одна счастливая битва может спасти их свободу». Даже когда «времена переменились», когда уже «самые усердные из друзей Марфиных... молчанием или языком умеренности хотели заслужить прощение Иоанново», Марфа не отступала и «силилась действовать на умы и сердца, возбуждая их против Великаго Князя». Обрисовав столь деятельную фигуру, Н. М. Карамзин попытался объяснить, почему предводительницы Марфы нет в финале московско-новгородского конфликта 1471 г.: «Дав слово забыть прошедшее, Великий Князь оставил в покое и самую Марфу Борецкую, и не хотел упомянуть об ней в договоре, как бы из презрения к слабой жене». Презрительное забвение длилось до февраля 1478 г., когда Иван III велел «славную Марфу Борецкую с ея внуком Василием Феодоровым... отвезти в Москву, и все их имение описать в казну» [19, с. 28, 39, 45, 48, 129].

Карамзинская «История государства Российского» пробудила интерес к отечественному прошлому, а своим литературным произведением о Марфе-посаднице Н. М. Карамзин на многие десятилетия определил главный водораздел исторических суждений о ней — «конфликт между благородной носительницей идеалов новгородской свободы, «Катоню своей республики» Марфой, ...и суровым орудием государственной пользы Иоанном» [29, с. 276].

Драма присоединения вольного Новгорода к самодержавной Москве побуждала историков XIX в. искать новые известия о судьбе Марфы. В «Московском телеграфе» 1833 г. И. Лазарев сообщал, что «Архимандрит Досифей нашел наконец в письменных памятниках Соловецкаго монастыря, что Марфа Посадница была увезена в Нижний Новгород, там пострижена, наименована при пострижении Мариною, и скончалась горестною, бездетною вдовою в одном из тамошних монастырей» [28, с. 447]. Эта версия марфиной судьбы проникла в исторические труды [51, с. 84] и была включена в статью знаменитой энциклопедии Брокгауза и Ефрона [10, с. 398].

В своих оценках исторической роли новгородской посадницы ученые первой половины – середины XIX в. придерживались традиционного руслу, намеченного еще летописцами и Н. М. Карамзиным. Пришедшая из его повести «гордая Марфа», «защитница древней вольности» красовалась на

страницах сочинения К. Ф. Калайдовича [18, с. 252], «славную Марфу» можно увидеть в магистерском сочинении С. М. Соловьева [51, с. 84], «женщиною богатою, честолюбивою, искавшею власти в своем отечестве» выставлял ее вслед за карамзинской «Историей» Н. Г. Устрялов [56, с. 217].

Позднее, в «Истории России» С. М. Соловьев сделал любопытное обоснование роли, в которой Марфа Борецкая выступила в Новгороде: «Мы видели, какое важное значение в семействах княжеских получали матери по смерти отцов; так было и в семьях частных: вдова Исака Борецкого, Марфа, имела сильную власть над детьми по обычаю и по личному характеру и посредством этой власти пользовалась могущественным влиянием на дела родного города». По сравнению со своей ранней работой, он ушел от эмоциональной оценки Марфы, убрав построением фразы абсолютное доверие летописному рассказу – «говорят, что князь Михаил указывал Марфе жениха в одном из панов литовских, в будущем наместнике новгородском, с которым она станет правительницею родного города» [52, с. 11, 14].

Не мог обойти своим вниманием Марфу Борецкую автор «Севернорусских народоправств» – Н. И. Костомаров. Он называл ее «душою свободной партии, собиравшей последние силы Великого Новгорода, чтоб охранить его от покушения Москвы», но признавал, что «скудость известий о подробностях тогдашнего состояния общества не дает нам средств разъяснить участие женского пола в политической сфере. Личность самой Марфы остается бледною, по недостатку сведений» [25, с. 96].

Историк критично относился к «велеречивым московским повествователям», стремившимся очернить Марфу и придумывавших про нее басни, вроде намерения выйти замуж за литовского князя. Но вместе с тем, повествовательные средства, выбранные самим Н. И. Костомаровым, отнюдь не способствовали составлению объективного портрета Марфы-посадницы – у нее есть свое «общество», она стоит «на челе» партии, которую историк в разных местах характеризует словами «свободная», «патриотическая», «литовская», она сумела «соединить около себя несколько знатных и богатых фамилий, умела расположить к своей стороне и черный народ», именно она постаралась, чтобы имя Пимена оказалось на жребии при выборе архиепископа, именно она настроила худых мужиков-вечников кричать «Не хотим великого князя московского!... Отдаемся королю польскому и великому князю Казимиру!» [25, с. 97, 100].

Все это, в общем, не противоречит летописным известиям, но является их трактовкой, авторской обработкой, чем, в той или иной степени, занимаются все историки средневековья. У Н. М. Карамзина «Марфа с друзьями своими делала, что хотела в Новгороде» [19, с. 35], «партия» Марфы есть у К. Ф. Калайдовича [18, с. 254], С. М. Соловьев употреблял аккуратную формулировку – «сторона Борецких» [51, с. 84]. Но «партия Борецкой» закрепились в исторической литературе, появляясь у И. Д. Беляева [8., с. 502], Макария (М. П. Булгакова) [32, с. 59], Д. И. Иловайского [17, с. 437], Е. А. Белова [7, с. 161], В. О. Ключевского [22, с. 98], В. С. Иконникова [16, с. 216], С. Ф. Платонова [40, с. 184], Н. А. Рожкова [48, с. 283], М. Н. Покровского [41, с. 142], проникла в советскую историографию (Л. В. Черепнин [59, с. 857], Я. С. Лурье [30, с. 123], Р. Г. Скрынников [50, с. 98], Ю. Г. Алексеев [2, с. 144], В. Ф. Андреев [4, с. 156], Н. Л. Пушкарева [46, с. 54]) и продолжает существовать в современных публикациях (А. В. Петров [38, с. 313], В. И. Петрушко [39, с. 208]), создавая особый лидерский образ Марфы-посадницы.

Неожиданную трактовку новгородские события 1470-х гг. получили в «Истории Новгорода» И. Д. Беляева – он выставил их следствием вмешательства в общественные дела женщин-интриганок и главенства на вече буйной и своенравной молодежи, «попиравшей ногами все предания старины». В его описании именно молодежь почему-то считала, что «теперь настало удобное время воротить и даже умножить права и вольности Господина Великого Новгорода». Летописные слова в пересказе историка ловко корректируются, формируя нужный рассказчику образ, так что у Марфы появляется уже не просто чудный, а «самый лучший дом в Новгороде», который «был постоянно открыт для всех людей с весом», и именно здесь, оказывается, «решались все общественные дела» [8, с. 498–499].

В начале XX в. появились две больших публикации, касающиеся Марфы Борецкой. Первая была переизданием популярных очерков Д. Л. Мордовцева «Русские исторические женщины», впервые опубликованных в 1874 г. Их стоит упомянуть в плане развития русской гендерной историографии. Автор утверждал, что «Марфа Борецкая в течение нескольких лет заправляла «Господином Великим Новгородом», пока не лишилась свободы вместе с своим родным городом». Именно участие женщины в политике и привело к падению его самостоятельности: «Можно смело и безошибочно сказать, что Новгород еще долго в состоянии был бы продержаться, сохраняя свои вольности, свой суд, свои народ-

ные собрания на вече и свой знаменитый вечевой колокол, если-б в судьбу его не замешалось честолюбие женщины, надеявшейся иметь жениха в богатом и знатном пане литовском и через него стать наместницей или правительницей самостоятельного Новгорода и не взвесившей при этом ни своих сил, ни сил противника, не изследовавшей почвы, на которой можно было бы построить автономию Новгорода под боком у Москвы» [34, с. 39].

Место женщины в политике не случайно так волновало историков второй половины XIX в., в их сентенциях о роли Марфы в судьбе Новгорода явно отражались реалии текущего времени. П. И. Сумароков еще в начале XIX в. писал, что «причиной и орудием» к мятежу послужила в Новгороде «одна женщина некто Марфа, известная под именем посадницы. Удивится тому читатель, но такова есть коловратность мира» [53, с. 258]. Удивление это никуда из исторической литературы не исчезло: «для Москвичей же вообще было странно видеть, что в Новгороде не только в семействе, но и в обществе может играть важную роль женщина», – писал в 1867 г. Г. Ф. Карпов [21, с. 50], а к концу XIX столетия только окрепло, отразившись в реплике Д. И. Иловайского: «Ничто так не свидетельствует о внутреннем упадке Великого Новгорода, как полный недостаток мужей, которые бы выдвинулись в эту эпоху своими талантами и гражданскими доблестями. Весьма любопытно для нас явление, что в самое критическое время его истории на переднем плане является женщина, которая своею энергией и усердием к делу Новгородской самобытности затмевает всех современных ей Новгородцев» [17, с. 437].

Другая публикация начала XX в. – большая статья В. С. Иконникова о Марфе Борецкой в «Русском биографическом словаре». Он тоже говорил, что «участие женщин в движении, сопровождавшем падение Новгорода», заслуживает внимания. По мнению В. С. Иконникова, Марфа происходила из боярской фамилии Лошинских, он отождествлял ее с вкладчицей Никольского монастыря, поэтому полагал, что она дважды была замужем (за боярином Филиппом и посадником Исааком), у нее было два сына (Антон и Феликс) от первого брака и два от второго – Дмитрий и Федор. «Марфа Борецкая, по своим семейным связям, обладала значительными средствами», – замечал историк, перечисляя ее земельные владения и «чудный» новгородский двор-дом посадницы, – «место бурных собраний» противников Москвы [16, с. 215, 214, 216].

Летописную оценку Марфы, по мнению В. С. Иконникова, подтверждает то, что в «преданиях... о ней сохранились сведения как о женщине властной и решительной» и то, как о ней говорится в житийной литературе. И хотя легенда о предсказании Зосимой запустения дома Марфы «сложилась впоследствии; но она дает представление о взглядах современников на характер и деятельность Марфы Борецкой». События 1470-х гг. в Новгороде В. С. Иконников называет «делом, поднятым Марфой». То, что Иван III, казнив после Шелонской битвы сына Марфы Дмитрия Борецкого, не тронул остальной ее семьи, историк объясняет не «презрением к слабой женщине» (как это было у Н. М. Карамзина), а тем, что великий князь «не считал пока удобным нарушить строй новгородской жизни, не будучи уверен в успехе, при существовавшей опасности со стороны Ахмата и Казимира». А то, что он, посещая затем пиры других бояр, не удостоил этого Марфу, тоже объясняется «весьма понятной причиной» – просто двор Марфы сгорел весной 1477 г. Обращаясь к судьбе Марфы-посадницы после падения вечевой вольницы, В. С. Иконников склонялся к мысли, что ее сослали в Нижний Новгород и «по местному преданию она была пострижена в Воскресенском женском монастыре» [16, с. 217, 218, 219].

К началу XX в. стало вполне очевидно, что ничего принципиально нового к биографии или политической роли Марфы Борецкой исторические работы не добавляют – оценки историков зависят лишь от трактовки имеющихся данных немногочисленных источников. Но можно отметить, что развитие марксистского подхода к истории сместило акцент в изучении роли Марфы Борецкой в классовую плоскость и сосредоточило внимание на ее материально-экономическом статусе.

Конечно, абсолютно новым явлением внимание историков к хозяйственной деятельности Марфы Борецкой назвать нельзя. Еще Н. А. Полевой в «Истории русского народа» иронизировал в пику Н. М. Карамзину, что «Только поэту, и то не понимающему величия Исторической истины, можно воображать себе Марфу какою-то юною республиканкою» и довольно жестко порывал с романтизацией ее образа, объявив, что «Она просто была богатая, умная купчиха, и защищала именно свое богатство от хищения Москвы» [42, с. 459]. Затем В. О. Ключевский исследовал хозяйство Соловецкого монастыря и пришел к выводу, что Борецкие были самыми значительными землевладельцами Поморья, а самой Марфе «только по рекам Суме и Выгу принадлежало 19 деревень» [23, с. 8]. Но все же более пристальное внимание именно экономическому положению Борецкой, а не только ее роли в новгородско-московском конфликте, в историографии стало уделяться в советское время.

В 1939 г. вышла работа С. А. Таракановой-Белкиной о боярском и монастырском землевладении в новгородских пятинах. Исследовательница заявляла, что «знаменитая посадница Марфа Борецкая владела большей частью карельского берега» и насчитала, что в «вотчине Марфы Исковой было 799 обож, и она состояла из 13 отдельных волостей» [54, с. 37, 44]. В 1948 г. была защищена кандидатская диссертация ученицы В. Н. Бернадского А. П. Шурыгиной по боярской вотчине Борецких [63]. Изучение развития новгородского боярского землевладения позволило В. Н. Бернадскому заявить, что «к концу существования Новгородской республики большая часть территории Прионежья перешла в руки крупнейших новгородских боярских родов. Первое место среди новгородских феодалов по размерам владений бесспорно занимала Марфа Исакова», всего за ней «в погостах Обонежской пятины указано свыше 70 дер. с 1200 дв.» [9, с. 56].

Некоторые уточнения к тому, что историкам было известно о Марфе Борецкой, удалось получить с расширением новгородских археологических исследований. Так, изучение боярских усадеб Новгорода позволило В. Л. Янину поставить вопрос о принадлежности Марфы к «боярскому кругу потомков Варфоломея Юрьевича» из линии Мишиничей-Онцифоровичей и уточнить расположение двора Марфы, который «находился внутри пространства, ограниченного берегом Волхова, Разважей, Великой и Борковой улицами» [64, с. 49, 53]. Пристальное внимание к источникам заставило В. Л. Янина усомниться в подлинности одной из двух известных данных грамот Марфы Соловецкому монастырю, а в легенде о видении Зосимы шести безголовых бояр на пиру у Марфы увидеть намек на «шесть посадников, образующих главный представительный орган боярской власти и олицетворяющий Новгородское государство» [65, с. 276, 306]. Идея о символизме видения Зосимы нашла своих сторонников в последующей литературе, правда, без какого-либо существенного развития [27, с. 383; 62, с. 393].

Конец 1980-х – первая половина 1990-х гг. оказались богаты на публикации, касающиеся истории Новгорода и так или иначе затрагивающие тему Марфы Борецкой. В научно-популярной работе В. Ф. Андреева «Северный страж Руси» Марфа представлена «колоритной фигурой общественной жизни Новгорода», по мнению автора, она единственная из «очень немногих женщин средневековой Руси, о которых рассказывают летописи... сумевшая стать видной политической деятельницей Новгородской республики, где на протяжении всей ее многовековой истории государственные дела были привилегией мужчин». Впрочем, в основе ее антимосковской деятельности автор видел привычные для советской литературы «классовые интересы – боязнь потерять политическую власть и богатство» [4, с. 155].

Гендерный подход к истории новгородско-московского конфликта конца XV в. был представлен в работе Н. Л. Пушкаревой «Женщины древней Руси». Биографию Марфы она передала без критического подхода к историческим источникам. По всей видимости, исследовательница полностью доверилась статье В. С. Иконникова в «Русском биографическом словаре», поэтому отнесла Марфу к роду бояр Лошинских и указала на два ее брака. Борецкая представлена здесь «единственной в своем роде вотчинницей, не сравнимой с другими новгородскими боярами... третьей после новгородского владыки и монастырей», так что даже «собственный дом Марфы в Новгороде на улице Великой (Неревский конец города) представлял собой каменные палаты в два этажа, что выделяло его среди других боярских домов» (правда, откуда взяты сведения об этажности «чудного дома» Марфы, никаких пояснений не дано). В то же время, совершенно справедливым выглядело мнение исследовательницы, что «Благодаря огромным богатствам Марфа Борецкая обрела значительный политический вес». В ее роли вдохновительницы «бурных политических собраний» Н. Л. Пушкарева не сомневалась, как и в том, что в конечном итоге «Марфа была казнена, не доехав до Москвы, в небольшом селе Тверского княжества Млеве» [46, с. 52, 53, 55].

Крупнейший отечественный специалист по средневековой русской истории – Ю. Г. Алексеев в своих работах рассматривал проблему образования единого Русского государства. Основное внимание он уделял самому процессу противостояния боярской Новгородской республики и Москвы, акцентируя внимание на том, что Марфа и ее единомышленники «отстаивали «старину», свою «правду»», и борьба при этом «шла не между добром и злом в их чистом виде, не между правдой и кривдой в их прямом, буквальном понимании, а между двумя правдами – старой и новой. В этом и заключалась подлинная трагедия эпохи» [1, с. 109–110]. Историк предостерегал от идеализации образа новгородской посадницы, говоря, что «Упрямая старуха Марфа Борецкая, стремившаяся передать Новгород под власть Литвы, мало похожа на романтическую героиню Карамзина» [2, с. 150].

В этом же ключе была написана статья «Марфа Борецкая» А. В. Петрова, опубликованная в журнале «Вопросы истории» в конце 1994 г. История посадницы рассматривалась здесь главным образом

в контексте новгородско-московского противостояния и, говоря о пролитовской партии в Новгороде конца XV в., автор констатировал: «Надо сразу снять с лидеров этой партии нелепое обвинение в национальной измене. Новгород еще не успел стать Великороссией, Руси же в древнем смысле этого понятия не изменял». А касаясь фигуры самой Марфы, заключал, что «Любой, взявшийся за рассказ о Марфе Борецкой, с досадой должен будет признаться, что на фоне тех исторических событий, в центре которых она оказалась, личность Марфы остается крайне бледной из-за недостатка сведений о ней» [37, с. 164, 165].

В более поздней работе А. В. Петров указывал, что Марфа Борецкая действительно «выражала волю значительной массы жителей своего города», и вновь соглашался с позицией Ю. Г. Алексева, что «в событиях, превративших московского великого князя и новгородскую посадницу в непримиримых врагов, *столкнулись две исторические правды — правда Новгорода и правда Москвы* (курсив автора – Н. Х.)» [38, с. 311, 315].

Краткий обзор историографических оценок Марфы Борецкой и характеристику исторических источников о ней (прежде всего летописных сведений, с особым вниманием к «Словесам избранным») представил в своем труде Я. С. Лурье. Он пришел к выводу, что сведения о политической активности Марфы связаны с митрополичьей канцелярией, больше всего озабоченной проблемой возможного отпадения новгородского епископа от московского церковного центра, и поэтому «имеющиеся у нас сведения о деятельности «литовской партии», якобы вызвавшей поход Ивана III, весьма скудны и сомнительны» [30, с. 140].

Начало XXI века показало, что интерес к Марфе Борецкой никуда не исчез, она по-прежнему рисуется «властной и энергичной» вдовой посадника, которая спланировала новгородское боярство, не желавшее уступок великому князю Московскому (Н. С. Борисов [11, с. 224]), ведущей «курс на сближение с королем Казимиром IV Ягеллончиком» (В. И. Петрушко [39, с. 209]). Но нужно сказать, что в большинстве случаев оттенки в оценке политической роли Марфы-посадницы определяются не каким-то новым прочтением источников, а языковыми средствами, выбранными авторами для ее описания – так она превращается во «вдохновенного оратора» у П. В. Рябова [49, с. 188] или даже «символ «Темной Матери»» у А. Г. Некита и С. А. Маленко [35, с. 255].

Из работ, касающихся Марфы Борецкой и вышедших в последнее десятилетие, обращают на себя внимание три статьи. Первая по хронологии – это совместная работа Т. В. Амброше и О. В. Чураковой, опубликованная в журнале «Арктика и Север» в 2013 г. К достоинством этой публикации, помимо историко-литературного обзора произведений о Марфе Борецкой и краткого анализа источниковой базы, следует отнести обращение к краеведческой литературе, которая позволяет оценить работу над образом Марфы, ведущуюся, так сказать, за рамками «большой» исторической науки [3, с. 96].

Другая статья вышла в 2020 г., в ней Н. Л. Пушкарева вновь обратилась к оценке благосостояния Марфы Борецкой. В статье был рассмотрен процесс роста земельных приобретений Борецких на Русском Севере, превративший их в крупнейших землевладельцев Новгорода, показаны сложные взаимоотношения Марфы Борецкой с монахами, стремившимися расширить владения монастырей на этих землях. Но, в принципе, здесь повторялись прежние положения автора, даже явная опечатка, что «в феврале 1488 г. Иван III распорядился захватить Марфу с внуком Василием Федоровичем, отослать их в заточение», присутствовавшая еще в работе 1989 г. [46, с. 55] и явно попавшая туда из статьи В. С. Иконникова (у него тоже – февраль 1488, вместо 1478 г. [16, с. 219]) осталась на своем месте [47, с. 62]. Однако основная мысль, что «у неприязни Борецкой к московской власти были веские основания – ей было что терять», и «именно экономический вес этой собственницы объясняет исключительную роль, которую она пыталась на себя взять, спасая устойчивую новгородскую политическую систему» [47, с. 59, 50], представляется по-прежнему справедливой и актуальной, тем более, что она как бы полемизирует с выводами о роли Марфы, представленными в вышедшей годом позже статье С. С. Пашина и В. А. Юршиной.

Авторы этой работы весьма категорично заявляют, что для них «очевидно, что все рассуждения о властолюбивой боярыне – это всего лишь устоявшийся и принявший форму аксиомы историографический миф». Но представленный в работе анализ источников и несколько небрежное отношение с историографией в этом не убеждают. Здесь, например, акцентируется внимание на том, что «Ю. Г. Алексеев в 1991 г. (!), как ни странно, оказался первым историком, который прямо назвал главный источник негативной информации о Марфе Борецкой – так наз. «Словеса избрана...» и говорится,

что «После Ю. Г. Алексеева, пожалуй, только Я. С. Лурье мимоходом отметил, что «Словеса», по-видимому, связаны с митрополичьей канцелярией и были единственным памятником, где «Марфа Борецкая занимает видное место» [36, с. 19, 15]. Но это, мягко говоря, не так – Я. С. Лурье о «Словесах избранных» говорил в комментариях к «Памятникам литературы Древней Руси» еще в 1982 г., отмечая, что это «единственный рассказ, уделивший Марфе Борецкой важное место» [31, с. 628]. Он дал довольно развернутую, вовсе не «мимоходом», характеристику этого произведения в другой своей работе [30, с. 128–140], а до него о «Словесах избранных» упоминали К. В. Базилевич [6, с. 91] и В. Н. Бернадский [9, с. 281]. Неаргументированным выглядит и заявление авторов статьи, что высокий экономический статус Марфы «не гарантирует соответствующего положения в государственных структурах», к тому же не ясно, о каких таких «государственных структурах» речь. Не менее странным смотрится и конечный вывод, что «Имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют выяснить, какую роль сыграла Марфа Борецкая в событиях, предшествовавших присоединению Новгорода к Москве, «на самом деле»», поскольку не ясно, что понимать под этим «на самом деле» [36, с. 16, 19].

Подводя итог, можно сказать, что историография Марфы Борецкой – показательный пример создания биографии средневекового героя на основе минимальных исторических сведений о нем. Ограниченность, а порой и тенденциозность исторических источников, заставляет историков додумывать образ Марфы Борецкой, наделять ее чертами главной героини новгородско-московского противостояния конца XV в., дополнять скудную источниковую базу пусть логичными, но все же домыслами о характере и поступках Марфы-посадницы. И все же, нет оснований полагать, что невозможно определить ее историческую роль – несомненный высокий социальный и экономический статус Марфы Борецкой, внимание к ней летописцев, народные предания – все это говорит о значимости этой фигуры в истории Новгорода. Полностью объективная оценка любого исторического персонажа – скорее миф, недостижимый идеал, к которому стремятся исследователи. Марфа Борецкая в этом плане не исключение, понять, что она из себя представляла, приблизиться к пониманию ее исторической роли, можно только при критичном и комплексном подходе, учитывающем данные всех доступных исторических источников.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев Ю. Г. Государь вся Руси. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. 240 с.
2. Алексеев Ю. Г. «К Москве хотим»: Закат боярской республики в Новгороде. Л.: Лениздат, 1991. 158 с.
3. Амброше Т. В., Чуракова О. В. «Злохитрева жена» «окаянная Марфа» в политической борьбе Москвы и Новгорода и основании северных монастырей // Арктика и Север. 2013. № 13. С. 92–109.
4. Андреев В. Ф. Северный страж Руси: Очерки истории средневекового Новгорода. 2-е изд., доп. и перераб. Л.: Лениздат, 1989. 175 с.
5. Архангельская А. В. Женское лицо новгородской политики XV века в литературном и историческом дискурсе // Русская филология. 2017. № 4. С. 68–75.
6. Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М.: Издательство Московского университета, 1952. 544 с.
7. Белов Е. А. Русская история до реформы Петра Великого. СПб.: Издание Л.Ф. Пантелеева, 1895. 486 с.
8. Беляев И. Д. Рассказы из русской истории. Кн. 2. История Новгорода Великого от древнейших времён до падения. М.: в Синодальной типографии. 1866. 591 с.
9. Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV в. М.;Л.: Издательство Академии наук СССР, 1961. 397 с.
10. Борецкие // Энциклопедический словарь. Издатели Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. IV: Битбург–Босха. СПб.: Типо-Литография И. А. Ефрона, 1891. 473 с.
11. Борисов Н. С. Иван III. 3-е изд. М.: Молодая гвардия, 2006. 644 с.
12. Великие Минеи-Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Вып. 14. Апрель. Дни 8–21. М.: Синодальная типография, Стб. 515–545. 1912. 173 с.
13. Вернадский Г. В. Россия в средние века. Тверь: ЛЕАН, М.: АГРАФ, 1997. 352 с.
14. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С. Н. Валка. М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 408 с.
15. Житие Варлаама Важского / Изд. с предисл. по списку XVII в. № 677. Троице-Сергиевой Лавры А. Григоровичем // Православное обозрение. 1887. Т. 2, июль. Прил. С. 1–47.
16. Иконников В. Борецкая // Русский биографический словарь: в 25 томах. Т. 3. СПб.: тип. Главного упр. уделов, 1908. 699 с.
17. Иловайский Д. И. История России. Т. 2. Московско-Литовский период или Собиратели Руси. М.: Типо-Литография И. Н. Кушнерева, 1884. 587 с.

18. *Калайдович К. Ф.* Исторический и хронологический опыт о посадниках новгородских. Из древних русских летописей. М.: в типографии С. Селиванского, 1821. 310 с.
19. *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб.: в типографии Н. Греча, 1819. Т. 6. 541 с.
20. *Карамзин Н. М.* Марфа-посадница или Покорение Новгорода // Карамзин Н. М. Избранные сочинения. В 2-х тт. Т. 1. М.;Л.: Художественная литература, 1964. 810 с.
21. *Карпов Г. Ф.* История борьбы Московского государства с Польско-Литовским (1462–1508). Ч. I. М.: в Университетской типографии, 1867, 301 с.
22. *Ключевский В. О.* Курс русской истории // Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. Т. II. М.: Мысль, 1988. 447 с.
23. *Ключевский В. О.* Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае // Ключевский В. О. Сочинения. В 9 томах. Т. VIII. Статьи. М.: Мысль, 1990. 445 с.
24. *Козлова Н. Н.* Женщина в политике: образ Марфы Борецкой в исторической повести «Марфа-посадница» Н. М. Карамзина // Женщина в российском обществе. 2012. № 3 (64). С. 64–73.
25. *Костомаров Н. И.* История Новгорода, Пскова и Вятки во времена удельно-вечевого уклада (Севернорусские народоправства) // Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. Т. VII. СПб.: в типографии К. Вульфа, 1904. X + 419 с.
26. *Кудреватых А. Н.* Образ Марфы-посадницы как политического лидера в повести Н. М. Карамзина «Марфа-посадница, или покорение Новгорода» // Политическая лингвистика. 2014. № 2 (48). С. 229–233.
27. *Кузьмина О. В.* Республика Святой Софии. М.: Вече, 2008. 448 с.
28. *Лазарев И.* Нечто о Марфе Посаднице и Вечевом Новгородском колоколе. Письмо к Издателю // Московский телеграф. 1833. Т. LI. С. 446–451.
29. *Лотман Ю. М.* Карамзин. СПб.: Искусство, 1997. 832 с.
30. *Лурье Я. С.* Две истории Руси XV века: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994. 238 с.
31. *Лурье Я. С.* Комментарии // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. М.: Художественная литература, 1982. С. 626–636.
32. *Макарий*, архиеп. Литовский и Винницкий (Булгаков М. П.). История русской церкви. В 12 т. Т. VI. Кн. I. Период разделения на две митрополии. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1870. 393 с.
33. *Манкиев А. И.* Ядро Российской истории. М.: печатано при Императорском Московском Университете, 1770. 416 с.
34. *Мордовцев Д. Л.* Собрание сочинений. Т. XXXIV. Русские исторические женщины. Ч. 1. Женщины допетровской Руси. СПб.: изд. Н. Ф. Мертца, 1902. С. 39–50.
35. *Некита А. Г., Маленко С. А.* Марфа Борецкая: Символ «темной матери» в имперской, патриархальной модели мифологизации истории России // Международный журнал экспериментального образования. 2016. № 12-2. С. 254–255.
36. *Пашин С. С., Юришина В. А.* Марфа Борецкая и присоединение Новгорода к Москве // Вестник Удмуртского университета. Серия история и филология. 2021. Т. 31. № 1. С. 14–21.
37. *Петров А. В.* Марфа Борецкая // Вопросы истории. 1994. № 12. С. 163–167.
38. *Петров А. В.* От язычества к Святой Руси. Новгородские усобицы (к изучению древнерусского вечевого уклада). СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2003. С. 313. 352 с.
39. *Петрушко В. И.* История Русской Церкви с древнейших времен до установления патриаршества. Изд. 2-е. М.: Изд-во ПСТГУ, 2007. 356 с.
40. *Платонов С. Ф.* Лекции по русской истории. М.: Высш. шк., 1993. 736 с.
41. *Покровский М. Н.* Русская история. В 3 т. Т. 1. СПб.: ООО «Издательство «Полигон», 2002. 346 с.
42. *Полевой Н. А.* История русского народа. Т. 5. М.: в типографии Августа Семена, 1833. 666, XXII с.
43. ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1.: Новгородская четвертая летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. 728 с.
44. ПСРЛ. Т. 6. Вып. 3.: Софийская первая летопись (младшего извода). Челябинск, 2009, 317 с.
45. ПСРЛ. Т. 25: Московский летописный свод конца XV в. М.: Языки славянских культур, 2004. 488 с.
46. *Пушкарева Н. Л.* Женщины Древней Руси. М.: Мысль, 1989. 286 с.
47. *Пушкарёва Н. Л.* О роли женской личности в экономической истории России раннего нового времени (Марфа Борецкая) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2020. № 4 (56). С. 50–64.
48. *Рожков Н. А.* Политические партии в Великом Новгороде XII – XV веков // Журнал министерства народного просвещения. Ч. СССXXXIV. Апрель. 1901. С. 241–286.
49. *Рябов П. В.* История русского народа и российского государства с древнейших времён до начала XX в. Т. 1. М.: Прометей, 2015. 424 с.
50. *Скрынников Р. Г.* Иван III. М.: АСТ: АСТ Москва: Транзиткнига, 2006. 285 с.
51. *Соловьёв С. М.* Об отношениях Новгорода к великим князьям. М.: О-во истории и древностей рос, 1846. 162 с.
52. *Соловьёв С. М.* Сочинения: в 15 кн. Кн. 3. Т. 5–6. История России с древнейших времен. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. 817 с.
53. *Сумароков П. И.* Новгородская история. В 2 частях с двумя планами 1815 г. М.: Университетская типография, 1890. 324 с.

54. *Тараканова-Белкина С. А.* Боярское и монастырское землевладение в новгородских пятинах в домосковское время. М.: Издание Государственного исторического музея, 1939. 221 с.
55. *Татищев В. Н.* История Российская. Кн. 5. СПб.: в типографии Вейтбрехта, 1784. 545 с.
56. *Устрялов Н. Г.* Русская история до 1855 г. В двух частях. Петрозаводск: Корпорация «Фолиум», 1997. 958 с.
57. *Фризман Л. Г.* Марфа-посадница в русской литературе // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2014. Т. 73, № 2. С. 20–33.
58. *Фризман Л. Г.* Тема Марфы Посадницы и драма Погодина // Погодин М. П. Марфа, Посадница Новгородская. М.: Наука, 2015. С. 255–348.
59. *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960. 900 с.
60. *Щербатов М. М.* История Российская от древнейших времен. Т. 4. Ч. 2. СПб.: при Императорской Академии Наук, 1782. 593 с.
61. *Шибяев М. А.* Софийская 1 летопись Младшей редакции: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.: [б. и.], 2000. 21 с.
62. *Шишов А.* Русские князья. Исторические силуэты. Ростов н/Д: издательство «Феникс», 1999. 448 с.
63. *Шурыгина А. П.* Новгородская боярская вотчина в XV веке: боярская вотчина Борецких: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.00. Л., 1948. 408 с.
64. *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина. М.: Издательство «Наука», 1981. 296 с.
65. *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М.: Издательство Московского университета, 1962. 411 с.

Поступила в редакцию 16.10.2023

Халявин Николай Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)
E-mail: nivakha@gmail.com

N.V. Khalyavin

MARFA BORETSKAYA IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

DOI: 10.35634/2412-9534-2024-34-3-733-745

The main character of the article is the Novgorod boyarina Marfa Boretskaya, a famous historical figure of the era of the formation of a unified Russian state. The article considers the assessments of Marfa-posadnitsa existing in Russian historiography from the moment of appearance of the first scientific historical works up to the present time. A brief overview of the main historical sources used by researchers to characterize the life and activity of Marfa Boretskaya is given. The main range of topics that are touched upon by historians when addressing this historical figure is revealed: biographical data (origin, family), assessment of the political role and economic well-being and the fate of Marfa after the fall of Novgorod independence. The influence of fiction and drama on the formation of the image of Marfa Boretskaya, especially at the initial stage of formation of Russian historical science, is noted. It is summarized that only a critical and comprehensive approach, taking into account the data of all available historical sources, can form an objective assessment of this historical figure.

Keywords: Russian historiography, Marfa Boretskaya, Novgorod the Great, Ivan III.

REFERENCES

1. *Alekseev Ju. G.* Gosudar' vseja Rusi [Sovereign of All Russia]. Novosibirsk, Sciences Publ., Sib. otd-nie., 1991, 240 p. (In Russian).
2. *Alekseev Ju. G.* “K Moskve hotim”: Zakat bojarskoj respubliki v Novgorode [“We want to be at Moscow”: The decline of the Boyar Republic in Novgorod]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1991, 158 p. (In Russian).
3. *Ambroche T. V., Churakova O. V.*, «Zlokhitreva zhen» «okayannaya Marfa» v politicheskoy bor'be Moskvyy i Novgoroda i osnovanii severnykh monastyrey [“The Evil Wife” “Devil-possessed Martha” in the political struggle of Moscow and Novgorod and the founding of northern monasteries]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2013, no. 13, pp. 92–109. (In Russian).
4. *Andreev V. F.* Severnyj strazh Rusi: Oчерki istorii srednevekovogo Novgoroda. [Northern Guard of Russia: Sketches of the History of Medieval Novgorod]. 2-e izd., dop. i pererab. Leningrad, Lenizdat Publ., 1989, 175 p. (In Russian).

5. *Arkhangel'skaya A. V.*, Zhenskoye litso novgorodskoy politiki XV veka v literaturnom i istoricheskom diskurse [The female face of 15th century Novgorod politics in literary and historical discourse]. *Russkaya filologiya* [Russian philology], 2017, no 4, pp. 68–75. (In Russian).
6. *Bazilevich K. V.* Vneshnyaya politika Russkogo centralizovannogo gosudarstva. Vtoraya polovina XV v. [Foreign policy of the Russian centralized state. Second half of the 15th century]. Moscow, Publishing house of Moscow university, 1952, 544 p. (In Russian).
7. *Belov E. A.* Russkaja istorija do reformy Petra Velikogo [Russian history before the reform of Peter the Great]. St. Petersburg, Izdanie L. F. Panteleeva, 1895, 486 p. (In Russian).
8. *Beljaev I. D.* Rasskazy iz russkoj istorii [Stories from Russian History]. Kn. 2. Istorija Novgoroda Velikogo ot drevnejshih vremjon do padenija [History of Novgorod the Great from ancient times to the fall]. Moscow, V Sinodal'noj tipografii Publ., 1866, 591 p. (In Russian).
9. *Bernadskij V. N.* Novgorod i Novgorodskaja zemlja v XV v. [Novgorod and Novgorod land in the XV century]. Moscow, Leningrad, Ed. of the USSR Academy of Sciences, 1961, 397 p. (In Russian).
10. Boreckie, Jenciklopedicheskij slovar' [Encyclopedic dictionary]. Izdateli F. A. Brokgauz, I. A. Efron. Vol. IV: Bitburg–Bosha. St. Petersburg, Tipo-Litografija I. A. Efrona Publ., 1891, 473 p. (In Russian).
11. *Borisov N. S.* Ivan III. 3 ed. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2006, 644 p. (In Russian).
12. Velikie Minei-Chetii, sobrannye vserossijskim mitropolitom Makariem [The great Menaion reader Chetii collected all-Metropolitan Macarius.]. Issue number 14. Aprel'. Dni 8–21. Moscow, Sinodal'naya tipografiya Publ., Stb. 515–545. 1912, 173 p. (In Russian).
13. *Vernadskij G. V.* Rossija v srednie veka [Russia in the Middle Ages]. Tver': LEAN Publ., Moscow, AGRAF Publ., 1997, 352 p. (In Russian)
14. Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova [The letters of Great Novgorod and Pskov]. ed. S. N. Valk. Moscow, Leningrad, Ed. of the USSR Academy of Sciences, 1949, 408 p. (In Russian).
15. Zhitie Varlaama Vazhskogo [The Life of Varlaam Vazhsky]. Izd. s predisl. po spisku XVII v. no. 677. Troice-Sergievoj Lavry A. Grigorovichem, Pravoslavnoe obozrenie [Orthodox review]. 1887. Vol. 2, ijul'. Pril., pp. 1–47. (In Russian).
16. *Ikonnikov V.* Boreckaja, Russkij biograficheskij slovar' [Russian biographical dictionary]: v 25 tomah. Vol. 3. St. Petersburg, Tip. Glavnogo upr. udelov Publ., 1908, 699 p. (In Russian).
17. *Ilovajskij D. I.* Istorija Rossii [History of Russia]. Vol. 2. Moskovsko-Litovskij period ili Sobirатели Rusi [Moscow-Lithuanian period or Collectors of Russia]. Moscow, Tipo-Litografija I. N. Kushnereva Publ., 1884, 587 p. (In Russian).
18. *Kalajdovich K. F.* Istoricheskij i hronologicheskij opyt o posadnikah novgorodskih. Iz drevnih russkih letopisej [Historical and chronological experience about the Novgorod mayors. From ancient Russian chronicles]. Moscow, V tipografii S. Selivanskogo Publ., 1821, 310 p. (In Russian)
19. *Karamzin N. M.* Istorija gosudarstva Rossijskogo [The history of the Russian state]. Saint Petersburg, V tipografii N. Grecha Publ., 1819, Vol. 6, 541 p. (In Russian)
20. *Karamzin N. M.* Marfa-posadnica ili Pokorenie Novgoroda [Marfa the Posadnitsa or the Conquest of Novgorod], Karamzin N. M., Izbrannye sochinenija [Selected Works]. V 2-h tt. Vol. 1. Moscow, Leningrad, Hudozhestvennaja literatura Publ., 1964, 810 p. (In Russian).
21. *Karpov G. F.* Istorija bor'by Moskovskogo gosudarstva s Pol'sko-Litovskim (1462–1508) [The History of the Struggle of the Moscow State against Polish-Lithuanian (1462-1508)]. Part. I. Moscow, University Publ., 1867, 301 p. (In Russian).
22. *Ključevskij V. O.* Russian history course, Ključevskij V. O. Sochinenija [Writings]. v 9 t. Vol. II. Moscow, Mysl' Publ., 1988, 447 p. (In Russian)
23. *Ključevskij V. O.* Hozjajstvennaja dejatel'nost' Soloveckogo monastyrja v Belomorskom krae [Economic activities of the Solovetsky Monastery in the Belomorsky Krai], Ključevskij V. O., Sochinenija [Writings]. v 9 t. Vol. VIII. Moscow, Mysl' Publ., 1988, 447 p. (In Russian).
24. *Kozlova N. N.* Zhenshhina v politike: obraz Marfy Boreckoj v istoricheskoj povesti "Marfa-posadnica" N. M. Karamzina [Woman in politics: the image of Marfa Boretskaya in the historical story "Marfa the Posadnitsa" by N. M. Karamzin]. Zhenshhina v rossijskom obshhestve [Women in Russian society]. 2012, no. 3 (64), pp. 64–73. (In Russian)
25. *Kostomarov N. I.* Istorija Novgoroda, Pskova i Vjatki vo vremena udel'no-vechevogo uklada (Severnorusskie narodopravstva) [The history of Novgorod, Pskov and Vyatka during the specific-vechy way (North Russian People's Republics)]. Kostomarov N. I., Istoricheskie monografii i issledovaniya [Historical monographs and studies]. St. Petersburg, V tipografii K. Vul'fa Publ., 1868, Vol. 7, X + 419 p. (In Russian).
26. *Kudrevatyh A. N.* Obraz Marfy-posadnicy kak politicheskogo lidera v povesti N. M. Karamzina "Marfa-posadnica, ili pokorenie Novagoroda" [The image of Martha as a political leader in the story by N. M. Karamzin "Marfa-posadnitsa, or the conquest of Novagorod"]. Politicheskaja lingvistika [Political linguistics], 2014, no. 2 (48), pp. 229–233. (In Russian).
27. *Kuz'mina O. V.* Respublika Svjatoj Sofii [The Republic of St. Sophia]. Moscow, Veche Publ., 2008. 448 p. (In Russian)

28. *Lazarev I.* Nechto o Marfe Posadnice i Vechevom Novgorodskom kolokole. Pis'mo k Izdatelju [Something about Marfa Posadnitsa and the Vechev Novgorod Bell. Letter to the Publisher]. *Moskovsky telegraph*, 1833, Vol. LII, pp. 446–451. (In Russian).
29. *Lotman Ju. M.* Karamzin. St. Petersburg, Iskusstvo Publ., 1997, 832 p. (In Russian).
30. *Lur'e Ia. S.* Dve istorii Rusi XV veka: Rannie i pozdnie, nezavisimye i ofitsial'nye letopisi ob obrazovanii Moskovskogo gosudarstva [Two stories of 15th-century Russia: Early and late, independent and official chronicles of the formation of the Moscow State]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1994, 238 p. (In Russian).
31. *Lur'e Ja. S.* Kommentarii, Pamyatniki literatury Drevnej Rusi. XIV – seredina XV veka [Monuments of literature of Ancient Russia. The second half of the XV century]. Moscow, Hudozhestvennaya literature Publ., 1982, pp. 626–636 (in Russian).
32. *Makar'ij, arhier.* Litovskij i Vinnickij (Bulgakov M. P). Istorija russkoj cerkvi [History of the Russian Church]. V 12 t. Vol. VI, Book. I, Period razdelenija na dve mitropolii [Period of division into two metropolitanates]. St. Petersburg, Tip. Imp. Akad. Nauk Publ., 1870, 393 p. (In Russian).
33. *Mankiev A. I.* Jadro Rossijskoj istorii [The nucleus of Russian history]. Moscow, Moscow University Publ., 1770, 416 p. (In Russian).
34. *Mordovcev D. L.* Sobranie sochinenij [Collected Works]. Vol. XXXIV. Russkie istoricheskie zhenshhiny [Russian historical women]. Part. 1. Zhenshhiny dopetrovskoj Rusi [Women of pre-Petrine Rus]. St. Petersburg, Izd. N. F. Mertsy Publ., 1902, pp. 33–50. (In Russian).
35. *Nekita A. G., Malenko S. A.* Marfa Boreckaja: Simvol “temnoj materi” v imperskoj, patriarhal'noj modeli mifologizacii istorii Rossii [Marfa Boretskaya: The Symbol of the “Dark Mother” in the Imperial, Patriarchal Model of Mythologizing Russian History]. *Mezhdunarodnyj zhurnal jeksperimental'nogo obrazovanija* [International journal of experimental education], 2016, no. 12-2, pp. 254–255. (In Russian).
36. *Pashin S. S., Jurshina V. A.* Marfa Boreckaja i prisoedinenie Novgoroda k Moskve [Marfa Boretskaya and the joining of Novgorod to Moscow], *Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology*, 2021, Vol. 31. no. 1. pp. 14-21. (In Russian).
37. *Petrov A. V.* Marfa Boretskaya, *Voprosy istorii*, 1994, no. 12, pp. 163–167. (In Russian).
38. *Petrov A. V.* Ot iazychestva k Sviatoi Rusi. Novgorodskie usobitsy (k izucheniiu drevnerusskogo vechevogo uklada) [From paganism to Holy Rus'. Novgorod strife (to the study of the ancient Russian veche way of life)]. St. Petersburg, Oleg Abyshko Publ., 2003, 352 p. (In Russian).
39. *Petrushko V. I.* Istorija Russkoj Cerkvi s drevnejshih vremen do ustanovlenija patriarshestva [History of the Russian Church from the Most Ancient Times to the Establishment of Patriarchy]. Izd. 2-e. Moscow, Izd-vo PSTGU Publ., 2007, 356 p. (In Russian).
40. *Platonov S. F.* Lekcii po russkoj istorii [Lectures on Russian history]. Moscow, Vyssh. shk. Publ., 1993, 736 p. (In Russian).
41. *Pokrovskij M. N.* Russkaja istorija [Russian history], V 3 t. Vol. 1. St. Petersburg, Poligon Publ., 2002, 346 p. (In Russian).
42. *Polevoj N. A.* Istorija russkogo naroda [History of the Russian people]. Vol. V. Moscow, V tipografii Avgusta Semena Publ., 1997, 763 p. (In Russian).
43. PSRL [Complete collection of Russian chronicles]. Moscow: Languages of Russian culture, 2000. Vol. 4: Part. 1., Novgorodskaya chetvertaya letopis' [Novgorod Fourth Chronicle], 728 p. (In Russian).
44. PSRL [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 6, Part. 3, Chelyabinsk, 2009. Sofijskaja pervaya letopis' (mladshego izvoda) [Sofia First Chronicle (of the younger edition)], 317 p. (In Russian).
45. PSRL [Complete collection of Russian chronicles]. Moscow: Languages of Slavic cultures, 2004, Vol. 25: Moskovskij letopisnyj svod konca XV veka [Moscow Chronicle of the late 15th century], 488 p. (In Russian).
46. *Pushkareva N. L.* Zhenshhiny Drevnej Rusi [Women of Ancient Rus]. Moscow, Mysl' Publ., 1989, 286 p. (In Russian).
47. *Pushkarjova N. L.* O roli zhenskoj lichnosti v jekonomicheskoj istorii Rossii rannego novogo vremeni (Marfa Boreckaja) [On the role of woman personality in the econom-ic history of Russia in early modern time (Marfa Boretskaya)], *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija* [Herald of Tver State University. Series: History], 2020, no. 4 (56), pp. 50–64. (In Russian).
48. *Rozhkov N. A.* Politicheskie partii v Velikom Novgorode XII – XV vekov [Political parties in Veliky Novgorod in the XII–XV centuries], *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshhenija* [Journal of the Ministry of Public Education], Part. CCCXXXIV. April, 1901, pp. 241–286. (In Russian).
49. *Rjabov P. V.* Istorija russkogo naroda i rossijskogo gosudarstva s drevnejshih vremjon do nachala XX v. [History of the Russian people and the Russian state from the most ancient times to the beginning of the XX century]. Vol. 1, Moscow, Prometej Publ., 2015, 424 p. (In Russian).
50. *Skrynnikov R. G.* Ivan III, Moscow, Tranzitkniga Publ., 2006, 285 p. (In Russian).
51. *Solov'ev S. M.* Ob otnoshenijah Novgoroda k velikimi knjaz'jam [On the relations of Novgorod to the Grand Dukes]. Moscow, O-vo istorii i drevnostej ros. Publ., 1846, 162 p. (In Russian).
52. *Solov'ev S. M.* Sochineniya [The essays]: Book. 3, Vols. 5–6.: Istorija Rossii s drevneishikh vremen [The history of Russia from ancient times]. Moscow, Publishing house of socio-economic literature, 1960, 817 p. (In Russian).

53. *Sumarokov P. I.* Novgorodskaja istorija. V 2 chastjah s dvumja planami 1815 g. Moscow, University Press, 324 p. (In Russian).
54. *Tarakanova-Belkina S. A.* Boyarskoye i monastyrskoye zemlevladieniye v novgorodskikh pyatinakh v domoskovskoye vremya, Moscow, Izdanie Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeja Publ, 1939, 221 p. (In Russian).
55. *Tatishhev V. N.* Istorija Rossijskaja [History Russian]. Book. 5. St. Petersburg, V tipografii Vejtbrehta, 1784, 545 p. (In Russian).
56. *Ustrjalov N. G.* Russkaja istorija do 1855 g. [Russian history up to 1855], V dvuh chastjah. Petrozavodsk, Korporacija Folium Publ., 1997, 958 p. (In Russian).
57. *Frizman L. G.* Marfa-posadnica v russkoj literature [Marfa the Posadnitsa in Russian literature], Izvestija RAN. Serija literatury i jazyka [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language], 2014, Vol. 73, no. 2. pp. 20–33. (In Russian).
58. *Frizman L. G.* Tema Marfy Posadnicy i drama Pogodina [The theme of Marfa Posadnitsa and Pogodin's drama]. Pogodin M. P. Marfa, Posadnitsa Novgorodskaya [Marfa, Novgorod Posadnitsa]. Moscow, Nauka Publ., 2015, 367 p. (In Russian).
59. *Cherepnin L. V.* Obrazovanie Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva v XIV–XV vekakh. Ocherki sotsial'noekonomicheskoi i politicheskoi istorii Rusi [The formation of the Russian centralized state in the 14–15th centuries. Essays of the socio-economic and political history of Rus']. Moscow, Publishing house of socio-economic literature, 1960, 900 p. (In Russian).
60. *Shcherbatov M. M.* Istoriya Rossijskaya ot drevnejshih vremen [History of Russia from ancient times]. Vol. 4. Part. 2. St. Petersburg, Ed. of the Imperial Academy of Sciences, 1770, 400 p. (In Russian).
61. *Shibaev M. A.* Sofijskaya 1 letopis' Mladshei redaktsii [The Sofia's 1 Chronicle of the Younger Edition]: avtoref. dis. ... kandidata istoricheskikh nauk [dissertation abstract for the degree of candidate of historical sciences]. Saint Petersburg, [n. a.], 2000, 21 p. (In Russian).
62. *Shishov A.* Russkie knjaz'ja. Istoricheskie silujety [Russian princes. Historical silhouettes]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 1999, 448 p. (In Russian).
63. *Shurygina A. P.* Novgorodskaja bojarskaja votchina v XV veke: bojarskaja votchina Boreckih: dissertacija ... kandidata istoricheskikh nauk [Novgorod boyar fiefdom in the XV century: the boyar fiefdom of the Boretskys: dissertation ... candidate of historical sciences]: 07.00.00. Leningrad, 1948, 408 p. (In Russian).
64. *Yanin V. L.* Novgorodskaja feodal'naja votchina [Novgorod feudal fiefdom]. Moscow, Nauka Publ., 1981, 296 p. (In Russian).
65. *Yanin V. L.* Novgorodskie posadniki [Novgorod Posadniks]. Moscow, Moscow State University Press, 1962, 411 p. (In Russian).

Received 16.10.2023

Khalyavin N.V., Candidate of History, Associate Professor at Department of Russian History
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: nivakha@gmail.com